

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРУКТУРНЫХ ТЕОРИЙ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ В XXI ВЕКЕ

В научных исследованиях, посвященных анализу влияния различных глобальных политических, экономических и социальных процессов на формирование и развитие современных социальных государств периода конца XX, рассматриваемый преимущественно в критическом ключе тезис «логики индустриализма», с его акцентом на определяющую роль сильных объективных экономических сил, уже в начале XXI века получил новое развитие в рамках структурных подходов. Новые виды теоретизирования о государстве всеобщего благосостояния включают глобализацию, деиндустриализацию и «новую политику благосостояния». В данной статье обзорно раскрывается суть новых структурных подходов, а также рассматривается подход, описывающий роль системы социального государства в функционировании рыночной экономики с позиции политэкономии.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.

Подобно типологизации, исследования глобализации государства всеобщего благосостояния находятся в стадии развития. Какое бы влияние глобализация ни имела на государство всеобщего благосостояния, она, безусловно, вела к значительному увеличению публикаций, посвященных изучению воздействия экономической интеграции на социальное государство. Эти исследования так и не достигли консенсуса, ведет ли глобализация к увеличенным социальным расходам, значительным сокращениям или реструктуризации государства всеобщего благосостояния, или к некоторым элементам конвергенции.

ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ.

Одно из относительно новых структурных альтернативных объяснений происходящих изменений в государстве благосостояния посвящено роли деиндустриализации. [4, 5]. Iversen и Cusack оспорили важность глобализации радикальным образом, утверждая, что отношение между открытостью торговли и расширением государства всеобщего благосостояния является ложным, и что это расширение было обусловлено деиндустриализацией, которая возникла в результате изменений в профессиональных структурах, произошедших во всех развитых индустриальных обществах в последние десятилетия. Они отклоняют глобализационный тезис на той основе, что причинная связь между индексами глобализации (такими, как торговля) и факторами давления на государство всеобщего благосостояния не может быть найдена. Опираясь на данные из 16 основных стран они не обнаружили свидетельств большей разницы в объёмах валовой продукции, занятости и зарплатах в более открытых экономиках (в рамках как торговли, так и рынка ссудного капитала), чем в странах более закрытой экономики.

Отклонив глобализационный тезис, Iversen и Cusack утверждают, что, фактически, основные факторы риска для рынка труда следует искать во внутренних экономических процессах и, в частности, в дезорганизации рынка труда, связанной со значительными изменениями в структурах занятости. Их аргументом является то, что риски для рынка труда «созданы на границе взаимодействия между экономическими секторами, требующими очень различные типы навыков, и что работодатели, обеспечивавшие общественные блага, также ограничены переносимостью навыков [4, с. 325]. Где работник должен пересечь границу различных секторов занятости, он или она могут остаться незанятыми, или в состоянии найти только значительно меньший заработок (включая социальные пособия). Соответственно, будет потребность в государстве, обеспечивающем защиту для предотвращения этих рисков.

При эконометрическом испытании своей теории Iverson и Cusack обнаружили, что ни одна из глобализационных мер не оказала статистически значительного воздействия на расходы. Напротив, было установлено, что деиндустриализация коррелируется с увеличением расходов государства всеобщего благосостояния, как это было предусмотрено их теорией. Они утверждают, что «подверженность риску на рынке труда является мощным фактором, определяющим предпочтения людей в защите государства и общественного распределения рисков [4, с. 324]. Основным источником риска, по их мнению, находится во внутренних экономических процессах. В частности, они утверждают, что «дезорганизация рынка труда была ключевой движущей силой позади расширения государства благосостояния» [4, с. 324-325]. В период с 1960 года они выделяют «массивный секторальный сдвиг» с сельского хозяйства и промышленности к сфере услуг» [4, с. 325]. Такие изменения в структуре занятости, по их утверждению, опосредованы «переносимостью навыков и социальных пособий» [4, *ibid.*]. Навыки позволяют людям переходить в другие секторы экономики (преодолеть границы, установленные разрывом навыков) а преимущества обеспечивают людям компенсацию во время перехода, или при неудачном переходе. Как отмечают Iverson и Cusack, где большое число людей встречается с риском необходимости совершения подобных «путешествий», спрос на спонсируемую государством компенсацию и принятие на себя доли риска будет высоким [4, с. 326].

НОВАЯ ПОЛИТИКА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ.

Дальнейший, в значительной степени структурный подход к анализу государства всеобщего благосостояния в «новой политике всеобщего благосостояния», был разработан Paul Pierson (1996, 2001). Pierson утверждает, что, в отличие от предыдущих десятилетий, когда исследовался рост государства благосостояния, сегодня необходим

другой подход в контексте сокращения расходов и экономии ¹. По его мнению, распространение государства всеобщего благосостояния включало принятие популярных законов, однако, курс на сокращение расходов в социальном государстве принуждает правительства проводить непопулярную политику, которая должна учитывать мнения как избирателей, так и заинтересованных групп [6, с. 143–144].

Он соглашается со, в значительной степени, структурной оценкой давления на государства всеобщего благосостояния и утверждает, что энергоресурсный подход мало способствует объяснению режима экономии в социальной сфере.

Pierson выделяет четыре основных «постиндустриальных» рычага давления на государство всеобщего благосостояния:

– *Замедление темпов производительности и последующий экономический рост, связанный с переключением экономики от производства к увеличению занятости в сфере услуг.* Pierson утверждает, что, с течением времени, повышение производительности труда станет ключевым фактором устойчивого экономического роста. Однако проходящий в наиболее развитых странах переход от промышленности к наращиванию доли сферы услуг в экономике угрожает снизить показатели производительности. В то время, как точные уровни роста продуктивности в разных секторах могут быть неизвестны, Pierson считает крайне маловероятным, что показатели развития сектора услуг смогут соответствовать темпу роста промышленного производства. По его мнению, с течением времени это неизбежно приведет к снижению экономического роста. Это, в

¹ Несмотря на обозначенный P. Pierson подход к вопросу сокращения расходов, выбранные им термины «сокращение расходов» и «экономия» могут получить неоднозначную трактовку. Представляется сложным сопоставить ситуацию, в которой большинство европейских государств по экономической терминологии были «богаче», чем когда либо, и тратили в среднем 20 процентов своего благосостояния на социальную защиту, с ситуацией, которая может быть охарактеризована как «постоянная жесткая экономия».

свою очередь, создаст «острые проблемы для государств всеобщего благосостояния» [7, с. 86]. Прежде всего, более медленный экономический рост повлияет на уровень доступного финансирования (через налогообложение) для государства всеобщего благосостояния. Кроме того, если медленный экономический рост ведет к более высокой безработице, то это создает дополнительное давление на государство. Кроме того, рост сферы услуг вносит дисбаланс между целями увеличения занятости, равенства заработной платы и бюджетных ограничений. Занятость в сфере услуг может произойти только через частный сектор по цене увеличенного неравенства в заработной плате или через общественный сектор за счет увеличения бюджетных давлений. Страны, не позволяющие увеличения в неравенстве заработной платы и наложения бюджетных ограничений, вероятно, ограничат занятость в сфере услуг и, следовательно, получат увеличивающийся уровень безработицы (Iverson, 1998).

– *Постепенное расширение, усиление и «рост до пределов» правительственных обязательств* Pierson [7, с. 58] определяет вторым источником давления по мере развития государств всеобщего благосостояния. Введенные в предыдущие десятилетия политические меры теперь выросли с последующими увеличениями в уровне требуемого финансирования. Pierson считает здравоохранение и пенсии наиболее важными составляющими этого процесса.

– *Демографический сдвиг к старению населения* Pierson (2001) считает хорошо определенной тенденцией во всех развитых странах, которая создаст значительное влияние на государство всеобщего благосостояния, например, через увеличение затрат на здравоохранение и пенсии. Старение населения объясняется увеличением продолжительности жизни и падением уровня рождаемости.

– *Трансформация домохозяйственных структур.* Последним ключевым фактором давления на государство всеобщего благосостояния Pierson (2001) выделяет изменение

домохозяйственных структур и отношение между домохозяйствами и работой. Данный пункт включает ряд взаимосвязанных вопросов, таких как значительное увеличение участия женщин в оплачиваемом труде, падение рождаемости и изменение в домохозяйственных структурах, возникающих как в результате увеличения одинокого отцовства, так и увеличивающейся тенденции среди одиноких и пожилых людей жить самостоятельно. Эти изменения создали давление на государство всеобщего благосостояния, которые были изначально созданы на базе традиционной домохозяйственной структуры «мужчины-кормильца». Pierson (2001) утверждает, что увеличивающееся участие женщин не только приносит дополнительный доход государству всеобщего благосостояния, но также создает спрос на новые типы государственных социальных услуг, таких как уход за детьми. Pierson также расценивает увеличение числа неполных семей как дополнительную нагрузку на государство всеобщего благосостояния, учитывая, что, такие семьи, вероятнее всего, имеют низкие доходы при отсутствии государственной поддержки.

Хотя этот подход широко структурен применительно ко всем развитым государствам всеобщего благосостояния, Pierson признает, что давление на государство «сохраняет отличительно национальный характер» [7, с. 99]. Существуют, например, значительные вариации в степени давления фактора старения населения на страны. Отмечая эти давления, Pierson выделяет два типа источников политической силы государства всеобщего благосостояния: избирательные стимулы, связанные с программами, сохраняющими широкую и глубокую популярную поддержку, и «институциональную клейкость, которая затем ограничит возможности политической реформы» [7].

В отношении «институциональной клейкости» Pierson утверждает, что существуют как формальные, так и неформальные институциональные вето, которые могут создать более сложные меры для сокращения расходов государства всеобщего благосостояния, и также, что существуют процессы, «зависящие от пути», которые

«стремятся зафиксировать существующие политические договоренности на месте» [7].

ПОЛИТИКА И РЫНКИ.

Важным объектом споров в последних исследованиях, посвященных государству всеобщего благосостояния, стал акцент на степени, в которой государства всеобщего благосостояния дополняют рынки. Это отличается от некоторых ранних подходов (в частности, от социально-демократического подхода), предполагавших, что государства всеобщего благосостояния были результатом политики в отношении рынков [3]. Одно из направлений обозначенного выше исследования подчеркивает роль работодателей в формировании государства всеобщего благосостояния. Второе направление, опирающееся на теорию регулирования, подчеркивает взаимодополняемость государства всеобщего благосостояния и способов производства. Воег (2002), например, в подробном исследовании французского государства всеобщего благосостояния в сравнительном контексте утверждает, что в прошлом государство всеобщего благосостояния было логическим дополнением фордистского режима роста [1, с. 13]. Воег выделяет ряд вызовов, стоящих перед этой парадигмой, среди которых технический прогресс, глобализация, изменения в политических альянсах и описанные им «паникерские дискурсы по неэффективности общественной безопасности» [1].

Из, в целом, аналогичных перспектив, ряд исследователей, чьи работы были собраны воедино в сборнике «Сравнивая капитализм благосостояния» под редакцией Ebbinghaus и Manow (2001), выделяет наличие определенных «институциональных взаимодополнений» между различными производственными режимами, практиками производственных отношений и системами социальной защиты. В частности, этот подход подчеркивает, что «производственная функция социальной защиты часто упускается из виду из-за сосредоточенности на перераспределении как главной цели политики

государства всеобщего благосостояния», и утверждает, что для «лучшего понимания современного капитализма мы должны принять во внимание важное воздействие государства всеобщего благосостояния на занятость, приобретение навыков, установления заработных плат и инвестирование» [2, с. 2]. Исследование Ebbinghaus и Manow в частности рассматривает возможные связи между социальной защитой и тремя областями политической экономии. Первое, это система производственных отношений, второе – система производства и режим занятости, и третье – финансовая и корпоративная финансовая системы.

Детальные исследования выделяют ряд важных связей в этих областях; например, они предлагают «усложнить взаимозависимости между трудовыми отношениями и показателями рынка труда» [2, с. 13]. Аналогично они утверждают, что «государства всеобщего благосостояния могут также выполнять важную функцию в стабилизации, поддержке и усилении производственных режимов, обеспечивая образованную и здоровую рабочую силу, защищённую от социальных рисков» [2, с. 14].

Концепция государства всеобщего благосостояния, несмотря на свою более, чем полувековую историю, сегодня продолжает своё развитие. Можно утверждать, что в современном мире ценности социального государства разделяет большинство развитых стран, однако, в силу различных политических, экономических, культурно-исторических и социальных факторов реализация принципов этой политической модели во многих странах и регионах Земли имеет свои особенности. Таким образом, многообразие факторов обусловило появление на протяжении XX века новых теоретических подходов к основам и практическому воплощению данной концепции. Так, к началу XXI века структурные теории переживают второе рождение, будучи обновлены таким актуальным для данного исторического периода содержанием, как вопросы глобализации, деиндустриализации, демографических вызовов, а также ряда острых социально-политических проблем. Также необходимо сделать вывод

о значительном влиянии системы социальной защиты на многие важные внутриэкономические аспекты развития страны, что определяется активной экономической составляющей концепции социального государства.

Современными исследователями прогнозируется дальнейшее расширение экономической роли в системе государства всеобщего благосостояния, а также её дальнейшая интеграция в ход социально-политического развития стран.

Следует отметить, что современное активное теоретизирование по различным аспектам государства всеобщего благосостояния на сегодняшний день происходит преимущественно в странах Европы и США. Россия также официально занимается разработкой и последовательной реализацией принципов социального государства — государства, каким она и является по конституции. Однако, на настоящий момент отечественные исследования в данной области не получили широкого распространения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Boyer R.** Is There A Welfare State Crisis? A Comparative Study of French Social Policy. – Geneva: International Labour Office; 2002. – 54 p.;
2. **Ebbinghaus B., Manow P.** Comparing Welfare Capitalism. Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA. L.: Routledge; 2001.– 352 p.;
3. Esping-Andersen G. Politics against markets: The social democratic road to power. – Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1985. – 366 p.;
4. Iversen T. The dynamics of welfare state expansion: trade openness, deindustrialization, and partisan politics. – Oxford: Oxford University Press; 2001. – 46 p.;
5. Iversen T., Cusack T. R. The Causes of Welfare State Expansion: Deindustrialization or Globalization?– World Politics, 52/3; 2000.– p. 313–349;
6. Pierson P. The New Politics of the Welfare State. – World Politics 48.2; 1996. – p. 143-179;
7. Pierson P. The New Politics of the Welfare State. NY: Oxford University Press; 2001. – p. 354-361.